

Аля Алев



ОНА

Аля Алев
Она. Цикл рассказов

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=43616466

SelfPub; 2019

Аннотация

Сборник рассказов о женщине. Это независимые друг от друга истории, с одной стороны, но вместе они образуют цикл, формирующий целостную структуру как книги, так и ее читательницы.

Содержание

Цветок любви, или Сказка об искушенном ребенке	4
Тома жизни	8
Внутренний мужчина	11
Голоса	18
Еще одна зима, или Слезы счастья	22
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Цветок любви, или Сказка об искушенном ребенке

Она словно крыло бабочки, словно язык пламени, искра в ночи, экзотический цветок... Она – это ЛЮБОВЬ. Такая тонкая, нежная, уязвимая, и если за ней не ухаживать, не кормить, не поливать, не защищать от бурь и снега, то она может остыть, замерзнуть и даже умереть.

Тонкие ростки любви пробивались к свету...

– Живые! – воскликнула она, сразу их узнав.

Они были чем-то новым, но узнаваемым. Она не помнила их такими маленькими, ведь когда-то давно вырвала их с корнем, не дав вырасти.

Но однажды ее душа встретилась с чем-то особенным, и тогда ростки выросли в дерево, которое она холила и лелеяла всем своим сердцем!

Это был цветок любви, такой великолепный и огромный, что действительно больше походил на дерево.

Это дерево радовало всех вокруг – от пчел до людей – и наполняло пространство не только тонким ароматом, но и музыкой, и светом, и теплом.

Она не просто влюбилась. Она впервые полюбила. Полюбила другую душу. Она прикоснулась к другой душе своим сердцем.

И сердце пело и верило в чудо.

И любовь и надежда долго не оставляли сердце.

Дерево-цветок благоухало и дарило радость и ей, и окружающим.

Но время шло, мечта томила в душе, не находя выхода.

И однажды цветок увял...

Вместе с ним увяла ее душа, и что-то умерло в ней, казалось, навсегда.

Это была любовь. Девичья любовь.

По законам инициации, она должна была умереть, и ей на место должно было прийти новое воплощение – из девичьего чувства должно было родиться женское.

И она его всегда знала, ждала, чувствовала и предчувствовала...

Но судьба обернулась иначе.

Девочка вытеснила пробуждающуюся женщину. Она стала расти внутри и превратилась в монстра, который забирал у женщины энергии любви, а вместе с ними надежду, радость и ее саму.

Искушенное дитя требовало свою плату.

Увы, но она еще ребенком соприкоснулась с взрослым знанием, которое до поры должно было оставаться для нее тайной...

Она познала власть мужчины над женщиной, так и не поняв, в чем женское счастье.

Ей было больно.

Слезы брызнули из глаз.

И капли, упав на землю, превратились в льдинки, а сердце покрылось снегом.

Сердце ее было теплым, но жгучий снег, покрывший его, заставлял ее ранить тех, кто оказывался слишком близко.

Цветок увял.

Тело росло, а в душе жила девочка-монстр и требовала «новой крови».

Но однажды она встретила заботливого садовника, и он, заметив ее страдания, напоил цветок.

И цветок, хоть и высох снаружи, сохранил в матушке-земле свои корешки.

Садовник научил ее заботиться о цветке и надеяться на новую жизнь.

Она очень старалась. И пусть не все и не всегда у нее получалось, но желание оживить цветок было самым заветным!

И вот теперь ее старания дали свои плоды.

Первые ростки были новой жизнью старых корешков.

Дерево любви возрождалось на свет.

Она смотрела на людей и радовалась.

Она смотрела на женщин и думала: «Как же они красивы!», смотрела на мужчин и восхищалась: «Как же они великолепны!»

Мир казался ей простым и одновременно волшебным, ведь в ее сердце вернулась любовь.

Точнее, она там была, но, прикрытая снегом недоверия,

таилась от грубости и теперь согрелась и воскресала для новой жизни!

«Всему свое время!» – пели ей птицы, напоминая о ее горьком детском опыте, а сердце снова радовалось: «Ты – женщина, и это прекрасно!» – мело оно забытую мелодию.

И теперь она звучала совсем иначе, наполняя ее радостью бытия и вовлекая в танец жизни.

– Вот оно – женское счастье! – воскликнула она и закружилась. Она наконец поймала его. Точнее, оно само ее нашло, а все потому, что она снова поверила.

Цветная бабочка тихо опустилась ей на плечо и, взмахнув три раза крылышками, полетела куда-то в небо.

– Как же хорошо! – вздохнула она, обретя спокойствие. Ей не нужно было куда-то спешить, не нужно было суетиться или паниковать и устраивать истерики и никому ничего не нужно было доказывать.

Она вернулась! Вернулась в свое сердце.

Тома жизни

Сегодня мысли ее были тяжелы. То ли бессонная ночь, то ли жара, то ли ПМС... Она и сама не понимала, но сознание путалось, а еще спутанней были желания.

– Пойти на улицу!..

– Не знаю.

– Мороженого?..

– А может закрутить роман с тем блондином, что недавно предлагал ни к чему не обязывающие отношения?!

А может...

Она не знала и снова съела еще одно яблоко, потом прыгнула в так и не застеленную кровать.

– Я в отпуске! Мне можно, – разрешала она себе.

А потом напоминала себе о той неясной перспективе, что ее ждала.

Операция.

Она не знала, что потом. И гнала навязчивые мысли, спасаясь то флиртом с мужчинами, то дуракавалянием.

Зачем думать, если это ничего не даст?

– Потом, все потом. Я здесь и сейчас.

– ...Остальное неважно.

Так вела она мысленный диалог сама с собой.

В ней то маленькая девочка подбадривала зрелую женщину: «Не бойся. Все будет хорошо!», то зрелая женщина об-

ращалась к малышке, усаживая ее на колени и приглаживая волосы на голове: «Я с тобой. Я тебя не оставлю, моя хорошая».

По мере осознания она крепла внутри, несмотря на риски. Она их понимала.

Это была черта, та самая черта, в которую превратилась точка невозврата.

– И что теперь?..

– Жизнь, – отвечала она сама себе.

– Но другая.

– Ты же сама хотела по-другому?.. – тут же вопрошал внутренний голос.

– Ну да. Сама.

Но она не знала, как это и кто этот загадочный другой?..

Может, по-своему?

Ну да, и по-своему, и по-другому, то есть иначе, чем раньше...

О прошлом не сожалела и все равно ждала будущее.

– Значит, это не конец?!

– А может, новое начало? – словно эхо раздавалось внутри.

Ей это было так знакомо.

Это словно страница книги...

Так уже было, но те страницы переворачивались быстрее, а от этой руки наливались свинцом.

Теперь, когда она взяла ответственность на себя, рука уве-

ренно перевернула страницу...

Нет, это захлопнулась книга. Книга длиной в десять лет.

Их было уже несколько, таких томиков.

Но этот был как-то особенно дорог!

...И вместе с тем, тот, что ей предстояло еще написать, она уже лелеяла, словно еще не родившегося, но самого дорогого ребенка.

Перед ней открывалась не просто страница новой книги, это были золотые врата – **ВРАТА НОВОЙ ЖИЗНИ!**

Она уже сделала шаг, и в этот момент девочка, которую она так любила, шепнула: «Смелее! Я с тобой!»

Женщина обернулась и помахала ей правой рукой, прижимая левую к сердцу и шепча про себя: «Я не забуду. Спасибо!»

Девочка словно услышала и звонко засмеялась в ответ и тоже прошептала: «Теперь не забудешь...»

Обе они осознали, как нужны друг другу и что значат друг для друга.

И вдруг в унисон прозвучали два голоса: «Береги себя!»

Ветер подхватил слова и унес их куда-то в вечность, и только эхо оставило свое: «...Я ...Я ...Я!»

Они были вместе теперь – лучшие подруги, словно поставленные на линию точки, но это были лишь отрезки, а не конец!

Что там впереди?..

Внутренний мужчина

Эту неделю ей хотелось посвятить чтению и остановить этот безумный поток никому не нужных дел. Она сварила кофе и уселась в кресло с новой книжкой, укутавшись в теплый плед.

«Мир не рухнет, если я не потороплюсь и выпью лишнюю чашку кофе», – подумала она.

– Неужели! – вдруг воскликнул внутренний голос.

– Ой, это ты? – сказала она, прислушавшись. – Давненько тебя не было!

В ответ он лишь усмехнулся:

– Или кто-то про меня забыл!..

– Дааа, правда, забыла. И твой голос тоже. А, знаешь, тебя не хватало.

– Вижу, – он опять усмехнулся (голос был мужской). – Выглядишь, если честно, не очень. Наверное, напомнить было некому.

– Я растолстела?! – в ужасе воскликнула она.

– Нет, фигура у тебя отличная!

– А что же? – голос ее потеплел.

– Потухла вся как-то. Про себя забыла. Ты когда в последний раз перед зеркалом вертелась, а?

– Ты с ума сошел?! – она расхохоталась. – Это было лет в двадцать, наверное.

– Не совсем, тебе было двадцать четыре...

– Точно! – воскликнула она. – Именно тогда я стала тебя отчетливо слышать.

– Вот-вот, отчетливо... А потом задвинула меня на за-
дворки.

– Прости, я правда про тебя забыла...

На ее глаза навернулись слезы.

– Не плачь, ну, я тоже виноват. Не должен был тебя остав-
лять. Но ведь я не уходил, молчал только.

Она встряхнула головой, пытаясь этим жестом смахнуть
то ли волосы с лица, то ли навернувшиеся слезы.

– Чего ж ты молчал?

– Ну, не совсем так... Я перестал... Ты не слушала.

– ...Не слушала...

– Да, и не слышала тоже.

– Значит, надо было мне кричать!

– Кричать... Да ты ведь если упрешься, разве тебя оста-
новишь?! – то ли с горечью, то ли с усмешкой сказал голос
внутри.

– Ну что я могу сделать, ну упрямая, да. Характер в отца!

– Ну и чем ты гордишься? Стала вон, как мужик в юбке!
А я, между прочим, орал тебе, когда ты замуж чуть не вы-
скочила только потому, что тебе «стукнуло тридцать семь»!
Дура!

– Сам дурак!

– Ну я-то, понятно. А ты-то, умница и красавица, совсем

спятила?! На свиданья забегала без разбору, лишь бы замуж. Говорю ж, дура!

– Думаешь, зря? Так возраст... А мужа нет, и детей тоже.

– Знаешь, дети – это хорошо, но время назад не вернешь, и все еще возможно, а без уважения к себе ну кому ты нужна, пройдохам всяким, бездельникам, охмурителям на одну ночь и откровенным засранцам!

– Ха-ха, ты ж тоже вроде как мужчина, чего ж так собратьев своих распинаешь?

– Вроде как... Вот так ты на всех мужиков и смотришь, а распинаю, потому что из-за этого «вроде как» ты за такого чуть замуж не выскочила.

– Ну ведь и не выскочила. Упала, очнулась – гипс. Валялась на больничной койке три месяца. А этот, представляешь, с моей подругой шуры-муры крутил! Теперь ни мужика, ни подруги.

– Мне спасибо скажи.

– Так это ты?! Ты мне перелом подстроил?

– Ну я, прости. Ну как тебя было остановить, если ты не слышишь?

– Ну, ну ты и козел! Да как ты мог, да кто тебе вообще позволил моим телом распоряжаться?!

– Я ж извинился. Вот опять, козел... А этот твой жених не козел? Ему ты и не такое позволяла со своим телом вытворять!

В ответ она разразилась громкими рыданиями, уткнув-

шись лицом в ладони.

– Где ты? – спросила она, успокоившись.

– Здесь. Я всегда рядом.

– Всегда? – спросила она, всхлипывая.

– Всегда. Я всегда с тобой. Только ты ж не слушаешь, веришь всяким сплетням. Тетки твои тебе в уши поют, а ты все на веру принимаешь.

– А как же без веры? Никуда человеку без веры, – утирая уголком плеча лицо, шептала она.

– Себе верь, глупая. Себе.

– А тебе можно? Вот говоришь, что глупая. Я уже и верю...

– Ну не дура, а! Вы только на нее посмотрите!

– Кто? Кто посмотрите?

– Да, никто, успокойся, извини. Ну не прав. Ну какие тебе еще слова нужны? Тебе что ни скажи, все не то.

– Ласковые нужны. И обнять, – она глубоко вздохнула и замолчала.

Он тоже молчал какое-то время.

– Ты здесь?

– Здесь.

– Побудь еще...

– Да куда я от тебя денусь! – рассмеялся голос.

И было в нем что-то такое родное и теплое, такая сила и поддержка исходила от него, что она успокоилась и заулыбалась.

– Слушай, а я выйду замуж? – спросила она.

– Выйдешь, – чуть ворчливо ответил он.

– А какой он будет?

– А какого ты хочешь?

– Нуууу, – протянула она, немного задумавшись, – чтоб на тебя похож! И чтоб с ним так же тепло и надежно!

– На меня?.. Так такой и будет! Вот дуреха! Ну как ты не поняла, что я – часть тебя, твое же творение. Ну если я козел, то и таких же козлов ты себе находишь!

– Дааа? Я сама виновата?

– Ну, не совсем так. Не только ты, но и все, кто тебя растил и сейчас окружает. Просто, помнишь, были времена, когда ты информацию фильтровала и сердце свое слушала, а потом сильно умная стала, а разум, он, знаешь, лукавый.

– Значит ты у меня в сердце?

– Угу. В самом центре.

– И тебе можно верить.

– А ты как думаешь? – засмеялся теплый бархатный голос.

– Я тебе верю.

– Ну вот, и слава Богу!

– Знаешь, я не думала, что так соскучилась. Тебя как будто не было тысячи лет!

– Человеческая жизнь короче...

– Да, жизнь коротка, а ведь столько еще хочется успеть!

– Ты ж решила не спешить?! – он опять засмеялся.

– Не буду. Ну, то есть постараюсь. Трудно, знаешь, столько

всего навалилось.

– Знаю. Но ведь есть те, кто хотел бы тебе помочь, а ты их не замечаешь.

– Я боюсь, я боюсь, знаешь!..

– Чего?

– Что придется за это платить...

– Ну, здрасьте! За что?

– Ну, за помощь... от мужчин.

– Ох, ну где ты этого набралась? Никто тебя не заставит! Если сама не позволишь!

– Правда?

– Правда.

– А ты не уйдешь?

– Я всегда рядом. Да, и это, ты извини за перелом, так не хотелось тебя терять. Я боялся, что больше тебя такую не услышу...

– Я простила. Я поняла. Мне кажется, я никого так не любила, как тебя...

– Ну ладно, ладно...

– Правда! И как же мне жить с другим?

– Ну ты же сама сказала, что хочешь, чтобы он на меня был похож.

– Хочу. И дурехой будет называть?

– Ну, это уж я не знаю, как сама решишь.

– Как сама... Ну пусть, иногда... Это лучше, чем перелом. Лишь бы ласково и чтоб не больно.

– Ну, отношений без боли не бывает. Вот ты про меня забыла, и мне было больно.

– Значит, ты меня любишь?

– ...Ну что ты глупости спрашиваешь.

– Значит, любишь!

– ...Женщина... Ну что, мне с моста прыгнуть?

– Нет! – засмеялась она. – Это ж мы тогда вместе, а я не хочу! Как ты хорошо сказал «женщина», а я и забыла уже...

– Вот и не забывай! Никогда, слышишь!

– Я постараюсь. Ты напомнишь, если забуду?

– Напомню.

– Я тебя люблю!

– Я тебя тоже.

Она вскочила, откинув плед, и пустилась в пляс, и пусть ей было без малого сорок, она прыгала, как девчонка, и вертелась перед зеркалом, доставая забытые наряды из распахнутого шкафа!

Похоже, она не забыла, что родилась на свет быть счастливой женщиной, и теперь это обстоятельство снова казалось ей прекрасным!

Голоса

Пробуждение. Звенит будильник, и ты думаешь: «Посплю еще маленько!», и вдруг в голове возникает голос: «Перестань валяться!», и к нему присоединяется другой: «Марш на работу!», а затем и третий: «Лень родилась впереди тебя!», и четвертый: «Курица, всю жизнь проспий!» И им вторит пятый: «Бестолковая девчонка, сколько можно тебя ждать!»

– ...Aaaaaaaaaaaaaaaaaaaaaaaaaaaaaaa!

Так орет внутренний голос, и ты вдруг понимаешь, что этот шестой и есть твой собственный.

А остальные?

Откуда эти голоса? Эти бесконечные советы и нравоучения, одобрения и запреты?

Ты встаешь в надежде, что они замолкнут, и идешь в ванную.

Но и здесь они тебя настигают:

– Ну, кто так чистит зубы?

– Опять кровать не заправила!

– Прекрати там чесать, занесешь инфекцию!

– И что это за трусы, которых не видно!

Когда ты, пританцовывая, пытаешься заглушить их, надев наушники, сквозь музыку слышится:

– Вы, барышня, слишком фривольны!

– На урок опоздаешь!

– Стоп, стоп, стоп... Какой урок? Я давно выросла. Я не девочка, в конце концов! – возмущаешься ты, одевая на ходу юбку-карандаш.

– Ага, в таких трусах? Женщины заботятся о себе и таких не носят!

– Да это все равно, что без них! Стыдоба!

– Женщины, они несут себя гордо и через лужи не прыгают!

– Приличные женщины всем подряд не улыбаются!

«...Ааааа, вот теперь еще про приличных», – думаешь ты.

– Да, милочка, женщина должна быть приличной!

– Дорогая моя, главное для женщины – сохранять лицо!

«Ну ладно, хоть мужских голосов нет», – почти сдаешься ты.

И тут появляется он!

– Эй, красотка, зачетный бюст!

И они...

– Малыш, подвезти?

– Красавица! Я тебя украду!

– Оооо! «Фатима, какая у тебя фатима...»

«...М-да... – думаешь ты. – Неужели все так плохо?..»

– Да нет, – неожиданно отвечает ОН. – Просто не слушай.

Ты улыбаешься, на бегу запрыгивая в такси, звонишь начальнику, предупреждая, что можешь опоздать... И успеваешь, потому что голоса стихают, и кто-то важный внутри

молчит и поддерживает.

— Молчи, молчи, — ласково шепчешь ты. — Я знаю, что ты рядом.

Вечером в полной тишине ты возвращаешься домой, на ходу улыбаясь проходим.

За углом, пока никто не видит, ты пытаешься спасти трусы, которые «съела попа», но ловишь смеющиеся глаза мальчишки. Ты подмигиваешь ему и заходишь в киоск купить давно присмотренный тобой горшок для любимой фиалки.

Правда, фиалки еще нет, ведь ты определилась с цветом горшка, а фиалку представляешь только в своем воображении.

Пока покупаешь горшок, косишься на какой-то неизвестный тебе яркий цветок и почему-то не решаешься его купить...

Выйдя на улицу, ты спохватываешься и возвращаешься в магазин.

— Это вам, — слышишь как будто уже знакомый голос, когда, встречаясь глазами с хозяином магазина, берешь в руки заветный цветок.

Благоваришь и счастливая вылетаешь, устремляясь к дому.

— Как тебе не стыдно! Побираха! — скрипит внутри старческий голос.

И вдруг ты разворачиваешься, сгибаешь пальцы левой руки, освобождая средний, и громко произносишь: «Да идите

вы! Я – женщина, и мне можно!»

Все смолкает, и среди тишины ты слышишь восторженное: «Ох! Какая ты у меня!»

Ты медленноходишь к дому и в абсолютной тишине, спокойная и уверенная, поднимаешься на этаж. Заходишь в квартиру, сбрасываешь туфли и прямиком, скидывая на ходу одежду, отправляешься в ванную, где, стоя под душем, в окружении ароматных свечей смываешь с себя все ненавистные голоса, оставляя только два – свой собственный и его, того, кто тебя любит и себя, свое свободное блаженствующее тело.

Забираясь под одеяло, ты ловишь себя на мысли о том, как же интересно БЫТЬ, быть женщиной, и тебе пофиг, какой она ДОЛЖНА быть!

Еще одна зима, или Слезы счастья

Снег крупными хлопьями покрывал улицы и крыши домов, застилая вечернее небо.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.